

ЛИЧНОСТНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДРОСТКОВ КАК ФАКТОР ИХ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

© 2013 г. А. В. Махнач*, А. И. Лактионова**

* Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва;

e-mail: a.makhnach@psychol.ras.ru

** Кандидат психологических наук, научный сотрудник, там же.

e-mail: apan@inbox.ru

Представлены результаты исследования подростков с нормативным и девиантным поведением. Показаны взаимосвязи их личностных и поведенческих характеристик с жизнеспособностью и социальной адаптацией. Установлено, что к таким личностным характеристикам относятся: эмоциональная регуляция и мотивация, уровень субъективного контроля, особенности самооценки, механизмы совладания, коммуникативные особенности. Показано, что низкий уровень жизнеспособности дезадаптивных подростков определяется недостаточностью психологических ресурсов, низким уровнем функционирования копинговых механизмов и защитным характером их поведенческой активности.

Ключевые слова: подростки, социальная адаптация, жизнеспособность, личностные и поведенческие характеристики.

Жизнеспособность (*resilience*) стала объектом научного исследования сравнительно недавно, в 70-х годах XX века. В зарубежной психологии термин впервые употребляется М. Сковилл в 1942 г.: при рассмотрении задач социальных работников она подчеркивала удивительную жизнеспособность детей в опасных для них условиях жизни, которые не затрагивали их, даже если их “вырывали с корнем” из семьи [40]. В российскую психологию понятие “жизнеспособность” было введено Б.Г. Ананьевым [1], который рассматривал ее в числе основных потенциалов развития. Б.Г. Ананьев не дает точного определения этому термину, имея в виду общую способность человека к эффективному функционированию, которая соотносится с высоким уровнем жизненных функций, наиболее активными и продуктивными фазами человеческой жизни [11]. Строгое, общепринятое определение жизнеспособности на сегодняшний день отсутствует. В целом понятие “жизнеспособность” отражает способность человека или группы людей развиваться вопреки дестабилизирующим событиям, трудным условиям жизни и серьезным травмам. При этом подчеркивается, что это происходит не потому, что риски не опасны для этих людей, а потому, что

защитные факторы – личностные и окружающей среды – аннулируют весь их негативный эффект [42]. В исследовании Дж. Шефер и Р. Моос показано, что жизнеспособность выступает не только как простое сохранение или возврат к норме, но и *предполагает позитивное развитие, которое превосходит состояние, в котором индивид мог бы находиться, если бы не подвергся влиянию стресса* [41]. Таким образом, жизнеспособность становится источником дополнительной способности к адаптации, прежде отсутствующей, что обозначает также, что стресс способствовал жизнеспособности человека. В этом смысле предполагается, что *жизнеспособность охватывает спектр развития человека до его оптимального состояния* [32]. Эта концепция в современных исследованиях является доминирующей.

В зарубежных исследованиях жизнеспособность стала концептуальной основой для изучения факторов, которые описывают воздействие неблагоприятных условий на человека. Ф.И. Валиева, опираясь на исследования Э. Мастен, М. Рид, провела анализ имеющихся подходов к определению содержания понятия “жизнеспособность”, что позволило ей описать несколько глобальных

направлений, в основе которых лежат различные методологические подходы. Среди них выделяют два наиболее общих, описывающих большинство из существующих подходов к исследованию жизнеспособности. Первый – *аберрантный*, изучает связь между индивидуальными характеристиками, окружением и опытом с целью выявить особенности, обеспечивающие успешную адаптацию в сложных жизненных ситуациях. Другой подход – *личностно-ориентированный*, позволяющий распознать жизнеспособных людей в неблагоприятных условиях жизни и определить, в чем их отличие от людей, не способных так же успешно совладать с неблагоприятными жизненными условиями. Среди аберрантных моделей выделяют три разновидности: *аддитивную, интерактивную и индирективную*. В аддитивных моделях изучаются аддитивный эффект факторов риска и адаптационных ресурсов для человека с возможными позитивными результатами. *Интерактивные* модели ориентированы на изучение модерационного эффекта, смягчающего переживание индивидом трудных жизненных ситуаций, роль которого выполняют защитные факторы. *Индирективные* модели касаются феномена “усредненного эффекта”, когда сильное воздействие на конечный результат само по себе подвергается негативному влиянию со стороны факторов риска и ресурсов [39].

Личностно-ориентированные модели жизнеспособности подразделяются на три основных типа. Первая разновидность основана на изучении *конкретных жизненных историй людей*. Вторая основана на *идентификации высокоустойчивых индивидов*, которые справляются с большинством стрессовых ситуаций и относятся к отдельной подгруппе жизнеспособных людей. Эти подходы подкреплены лонгитюдными исследованиями (исследования Э. Вернер и ее сотрудников на о. Кауи в 1950–1980 гг.; исследования в г. Крайстчерч, Новая Зеландия в 1977–1990 гг. и др.). На современном этапе исследования феномена возрос интерес к более системно ориентированным моделям жизнеспособности (третий тип), которые фокусируются на изучении *поведенческих паттернов на протяжении длительного времени* в более эксплицитной форме [7].

Наше исследование проведено в рамках аберрантного подхода [14] четырехаспектной экологической модели [43] изучения жизнеспособности, в основе которой лежит теория экологических систем У. Бронфенбреннера. Эта модель разработана на отдельной возрастной группе (старшие подростки и молодые люди). Модель включает в

себя следующие области, каждая из которых, по мнению исследователей, в большой степени характеризует жизнеспособность: черты личности и индивидуальные характеристики, отношения с близкими, влияние общества и государства, включенность в культуру, культурную традицию.

Мы считаем, что жизнеспособность индивида следует рассматривать в качестве системного свойства, определяющего проявления его активности и адаптивности. В качестве элементов данной системы выступают факторы риска и защитные факторы, охватывающие все контексты развития индивида (внутриличностный, межличностный, надличностный и органический). Оказывая воздействие на отдельные элементы системы жизнеспособности индивида или изменяя структуру взаимосвязей между ними, мы можем целенаправленно повышать уровень его жизнеспособности и, как следствие, – уровень его активности и социальной адаптированности.

Таким образом, значимость понятия “жизнеспособность” для современной психологии определяется возможностью определить адаптивные ресурсы человека и те качества, которые делают его уязвимым. Чрезвычайно важным является использование знаний о жизнеспособности человека в превентивной области, прежде всего, редукции рисков, которые определяются по отношению к популяции группы риска [35]. С этой точки зрения, ценность и смысл термина “жизнеспособность” относятся к контрпрогнозу, лежащему в основе развития людей, которые, находясь в неблагоприятных для них условиях, должны испытывать трудности в личном или социальном развитии [42].

Актуальность проблемы, недостаточная разработанность, а также высокая социальная значимость изучения и описания феномена жизнеспособности определили выбор темы, цели и задачи исследования, а также научную и практическую значимость данной работы.

Настоящее исследование направлено на изучение взаимосвязей между жизнеспособностью, социальной адаптацией, личностными и поведенческими характеристиками и средовыми факторами у подростков с нормативным и девиантным поведением. Мы попытались ответить на вопрос, каким образом жизнеспособность подростков связана с их социальной адаптацией.

Рассматривая факторы риска и защитные факторы (факторы жизнеспособности) во внутриличностном контексте, мы выделили следующие личностные и поведенческие характеристики,

связанные, согласно нашей *гипотезе*, с жизнеспособностью подростков и принимающие участие в процессе адаптации: эмоциональная регуляция и мотивация, уровень субъективного контроля, особенности самооценки, механизмы совладания и защитные механизмы, зависимость и доминантность во взаимоотношениях.

В качестве способов эмоциональной регуляции мы рассматривали взаимодействие индивида с окружающей средой на разных уровнях активности, определяющее строение аффективной системы, в которой отдельные уровни избирательно реагируют на некоторые классы средовых воздействий. Рассматривались: 1) уровень оценки интенсивности средовых воздействий – пассивное принятие; 2) уровень аффективных стереотипов – удовлетворение соматических потребностей; 3) уровень аффективной экспансии – активная адаптация; 4) уровень аффективной коммуникации – взаимодействие с другими [3].

Изучая факторы риска и факторы жизнеспособности в *межличностном контексте развития подростков*, мы рассматривали систему их взаимоотношений, включающую характеристики отношений со сверстниками, членами семьи, оценку их конфликтности (теплоты), отношение к родительской заботе.

Надличностный контекст в нашем исследовании включал переменные, относящиеся: к *обществу и государству*, включая оценку отношения к школе, возможности получить образование, вариантов проведения досуга, ощущения безопасности в стране; к *культуре*, включая принятие/отторжение культуры, в которой подросток живет, отношение к неформальным молодежным движениям. Органический контекст жизнеспособности в исследовании не рассматривался.

Целью данной статьи является анализ взаимосвязей между внутренними (личностными, поведенческими) характеристиками подростков, их жизнеспособностью и социальной адаптацией.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В эмпирическом исследовании принимали участие учащиеся старших классов московских общеобразовательных школ и школы для детей с девиантными формами поведения ($n = 186$). Из них: учащиеся 9–11 классов общеобразовательных школ ($n = 101$); учащиеся специальной школы для детей с девиантным поведением ($n = 85$). Девушки – 51.5%, юноши – 48.5% от размера выборки. Средний

возраст участников – 16.1 лет. Разброс возраста: *min* – 15, *max* – 17 лет.

Мы предположили, что получим различную картину взаимосвязи личностных и поведенческих характеристик с жизнеспособностью и социальной адаптацией у подростков, представляющих разные группы. Подростки были выбраны нами в качестве исследуемой группы, так как они находятся в возрасте вхождения в социальную среду при отсутствии опыта адаптации. Подростки характеризуются повышенной активностью, меньшими ресурсами совладания и защиты, отсутствием достаточного контроля и способности к управлению собственными психическими проявлениями, особенно в нестандартных ситуациях, отсутствием внутренней психологической определенности, разноплановостью и разнородностью психики [21]. В связи с этим перед ними встает множество проблем, связанных с социализацией и адаптацией. Именно в этом возрасте идет активный процесс формирования внутренних ресурсов личности, сказывающихся на развитии жизнеспособности.

Методика и процедура исследования. С целью получения наиболее точной информации о системе жизнеспособности подростков эмпирическое исследование проводилось по пяти основным направлениям: 1) выборочное непосредственное и опосредованное наблюдение, 2) экспертный опрос, 3) полуструктурированная беседа, 4) изучение документации, 5) тестирование (табл. 1).

Выборочное непосредственное и опосредованное наблюдение. Проводилось в целях понимания особенностей поведения испытуемых, их взаимодействия и общения со сверстниками и педагогами. В ходе наблюдения посещались уроки, осуществлялось наблюдение за испытуемыми во время их внеурочной деятельности: перемены, прогулки, работа на территории школы, внеклассные мероприятия. Изучалось их поведение во время заполнения тестов: вопросы, которые они задавали; проявляемое ими сопротивление или, наоборот, интерес; затруднения в ответах; комментарии, которыми они сопровождали тестирование.

Экспертный опрос. Изучались мнения педагогов, психологов, воспитателей об индивидуальных особенностях испытуемых, их социальной адаптированности. Проводилось сопоставление результатов тестирования с мнением экспертов, позволяющее распределить испытуемых по группам.

Полуструктурированная беседа проводилась по результатам тестирования с испытуемыми, ко-

Таблица 1. Цели, методы и методики эмпирического исследования

Цель	Метод	Методики
Оценка жизнеспособности подростков	Тестирование	Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи
Оценка средовых условий	Тестирование; наблюдение; экспертная оценка; полуструктурированная беседа; изучение документов	Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи
Оценка личностных характеристик подростков	Тестирование; наблюдение; экспертная оценка; полуструктурированная беседа; изучение документов	Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи; Тест мотивации достижений А. Мехрибиана (ТМД); Шкала социально-психологической приспособленности К. Роджерса, Р. Даймонд.
Оценка социальной адаптации подростков	Тестирование; наблюдение; экспертная оценка; полуструктурированная беседа; изучение документов	Шкала социально-психологической приспособленности К. Роджерса, Р. Даймонд.
Оценка поведенческих характеристик подростков	Тестирование; наблюдение; экспертная оценка; полуструктурированная беседа; изучение документов	Методика диагностики стресс-совладающего поведения; Анкета для определения способов преодоления эмоционального дискомфорта.

торые показали результаты, требующие дополнительной проверки. Учащиеся школы для детей с девиантными формами поведения, имеющие высокую степень социальной адаптации и положительные результаты по тестам, и учащиеся общеобразовательной школы, показавшие низкие результаты социальной адаптации, проходили беседу в обязательном порядке, остальные – по желанию. Во время беседы уточнялись их ответы, при этом благодаря особенностям беседы как метода удавалось достичь доверия, при котором подростки рассказывали о себе, своих трудностях, о том, как они пытаются с ними справиться, планах на будущее и т.д.

Изучение документации. В школе для детей с девиантными формами поведения были просмотрены: личные дела испытуемых (с целью получить информацию об их семьях); заключения специалистов по поводу их здоровья (наличие психических отклонений, органических поражений мозга, хронических заболеваний); заключения комиссий по делам несовершеннолетних, характеристики из предыдущего места обучения; результаты тестирований и бесед, проведенных школьными психологами, их заключения. Это позволило сложить более точное представление о следующих особенностях испытуемых: здоровье, взаимоотношения в семье, с педагогами, сверстниками, индивидуальные особенности (отраженные в результатах тестов и заключений). Были проанализированы все варианты оказанной им

помощи: в общеобразовательной школе (где они учились ранее), в школе для детей с девиантными формами поведения.

Тестирование. Для исследования жизнеспособности и социальной адаптации старшеклассников были использованы: Шкала социально-психологической приспособленности К. Роджерса, Р. Даймонд (адаптация Т.В. Снегиревой), Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи (*Child and Youth Resilience Measure, CYRM*), Тест мотивации достижений А. Мехрибиана (ТМД) (адаптация М.Ш. Магомед-Эминова), Методика диагностики стресс-совладающего поведения Дж. Амирхана, Анкета для определения способов преодоления эмоционального дискомфорта А.Н. Фоминовой.

Первоначально каждый участник эксперимента заполнял батарею тестов. В результате для каждого из них были получены данные по показателям: социальной адаптации/дезадаптации, жизнеспособности, личностным и поведенческим характеристикам, средовым условиям. Затем все испытуемые были разделены на 2 группы: группа 1 – “адаптивные подростки” ($n = 101$) и группа 2 – “дезадаптивные подростки” ($n = 85$). Для распределения испытуемых по группам был использован показатель “Коэффициент социальной адаптации”: испытуемые со значением этого показателя выше 43 баллов были отнесены к группе “адаптивные подростки”, остальные составили группу “дезадаптивные подростки” ($min = 15$,

$max = 72$ балла по этому показателю, стандартная ошибка среднего – 12.40).

В целях выявления феноменов, характеризующих особенности жизнеспособности и социальной адаптации в каждой группе, была проведена статистическая обработка данных. Были использованы методы статистической обработки данных (корреляционный и факторный анализ), которые проводились с помощью пакета статистического анализа *SPSS for Windows 13.0*. Для установления достоверности различий был использован непараметрический критерий *U*-Манна–Уитни.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение взаимосвязей между личностными и поведенческими характеристиками подростков и их жизнеспособностью и социальной адаптацией. С помощью корреляционного анализа были рассмотрены взаимосвязи между личностными и поведенческими характеристиками испытуемых и их социальной адаптацией/дезадаптацией и жизнеспособностью. Полученные данные (по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена) выявили наличие взаимосвязи между выделенными показателями личностных и поведенческих характеристик, жизнеспособностью и социальной адаптацией. Таким образом, данные корреляционного анализа подтвердили наше предположение о том, что к личностным и поведенческим характеристикам, связанным с жизнеспособностью и социальной адаптацией подростков, относятся: эмоциональная регуляция и мотивация, уровень субъективного контроля, особенности самооценки, механизмы совладания и защитные механизмы, коммуникативные особенности (доминирование/зависимость в отношениях, принятие/непринятие других) [14].

Сравнительная характеристика выраженности личностных особенностей в двух группах. При сравнении средних значений показателей (*T*-тест, 95% доверительный интервал для среднего значения) в двух группах были выявлены:

1. Статистически значимые различия по показателям оценки личностных и поведенческих характеристик: мотивация достижений, уровень субъективного контроля (локус контроля), уровень эмоционального комфорта/дискомфорта, особенности самооценки, механизмы совладания, защитные механизмы, коммуникативные особенности (доминирование/зависимость в отношениях, принятие/непринятие других) в двух группах.

2. Не выявлено статистически значимых различий по показателям оценки способов преодо-

ления эмоционального дискомфорта: показатели “Удовлетворение соматических потребностей”, “Активная адаптация”, “Взаимодействие с другими” и стресс-совладающего поведения: “Социальная поддержка”. Этот факт можно объяснить тем, что потребность в оптимальной социальной адаптации в школе приводит подростка к выработке индивидуальных способов саморегуляции своего эмоционального состояния, которые зависят не только от его личностных особенностей, но и от возраста [26].

Суммируя приведенные данные, отметим следующее.

Личностные и поведенческие характеристики, положительно связанные с жизнеспособностью и социальной адаптацией, имеют значительно меньшую выраженность в группе “дезадаптивные подростки” по сравнению с группой “адаптивные подростки”. Личностные и поведенческие характеристики, отрицательно связанные с жизнеспособностью и социальной адаптацией, имеют большую выраженность в группе “дезадаптивные подростки” по сравнению с группой “адаптивные подростки”.

Личностные и поведенческие характеристики адаптивных подростков относятся к защитным факторам (факторам жизнеспособности). Личностные и поведенческие характеристики дезадаптивных подростков относятся к факторам риска, понижающим их жизнеспособность.

Низкий уровень жизнеспособности дезадаптивных подростков определяется в частности недостаточностью психологических ресурсов. Одной из причин социальной дезадаптации подростков является недостаточная степень выраженности личностных и поведенческих характеристик, положительно связанных с жизнеспособностью и социальной адаптацией, и избыточная выраженность характеристик, связанных с ними отрицательно.

Сравнительная характеристика особенностей взаимосвязей между жизнеспособностью, социальной адаптацией и личностными, поведенческими характеристиками в группах адаптивных и дезадаптивных подростков. Для проведения сравнительного анализа этих переменных в группах был проведен факторный анализ полученных данных, позволивший представить жизнеспособность и социальную адаптацию групп испытуемых как многокомпонентную систему. Факторный анализ методом главных компонент позволил преобразовать первичные данные по группе в более простое, информативно сжатое пространство независимых, наиболее значимых характеристик, определить взаимосвязи между переменными, сократить число переменных, не-

Таблица 2. Статистические показатели для определения минимального количества факторов

Фактор	Исходные собственные значения			Собственные значения после вращения		
	Собственное значение	% объясняемой дисперсии	Сумма % объясняемой дисперсии	Собственное значение	% объясняемой дисперсии	Сумма % объясняемой дисперсии
1	7.301	27.041	27.041	4.037	14.951	14.951
2	3.316	12.280	39.321	3.264	12.088	27.039
3	2.365	8.760	48.081	2.686	9.949	36.988
4	1.614	5.977	54.058	2.539	9.403	46.391
5	1.528	5.658	59.716	2.417	8.950	55.341
6	1.469	5.441	65.157	2.161	8.004	63.345

Таблица 3. Относительная дисперсия простых факторов (*communalities*) по показателям всех тестов, использованных в исследовании

Показатели	Исходные	Извлечение
Коэффициент адаптации	1.000	.875
Коэффициент дезадаптации	1.000	.867
Принятие себя	1.000	.761
Непринятие себя	1.000	.747
Принятие других	1.000	.812
Непринятие других	1.000	.776
Внутренний локус контроля	1.000	.888
Внешний локус контроля	1.000	.694
Эмоциональный комфорт	1.000	.802
Эмоциональный дискомфорт	1.000	.784
Доминирование	1.000	.715
Зависимость	1.000	.697
Уход	1.000	.654
Социальная желательность	1.000	.685
Мотивация достижений	1.000	.590
Пассивное принятие (способ эмоциональной регуляции)	1.000	.642
Удовлетворение соматических потребностей (способ эмоциональной регуляции)	1.000	.656
Активная адаптация (способ эмоциональной регуляции)	1.000	.568
Взаимодействие с другими (способ эмоциональной регуляции)	1.000	.645
Решение проблем (механизм совладания)	1.000	.756
Социальная поддержка (механизм совладания)	1.000	.791
Избегание (механизм совладания)	1.000	.577
Взаимоотношения	1.000	.752
Социум	1.000	.692
Культура	1.000	.747
Индивидуальные характеристики	1.000	.813
Коэффициент жизнеспособности	1.000	.980

обходимых для описания данных, объясняющих значительную долю разброса исходных данных. В ходе анализа факторной матрицы, составленной из показателей оценки социальной адаптации/дезадаптации, жизнеспособности, личностных и поведенческих характеристик и показателей средовых условий, были обнаружены некоторые осо-

бенности и тенденции расположения факторов в матрице.

Характеристика группы “адаптивные подростки” по результатам факторного анализа. На основании критерия Кайзера (табл. 2) характеристики группы “адаптивные подростки” рассматриваются в пространстве шести факторов. Фактор 1 “Жизнеспособность, социальная адап-

Таблица 4. Нагрузки показателей по шести факторам после варимакс-вращения (приведены показатели, факторная нагрузка которых превышает значение 0.3) в группе “адаптивные подростки”

Показатели	1	2	3	4	5	6
Коэффициент адаптации	−0.4	0.5		0.5	0.3	
Коэффициент дезадаптации	0.8	−0.4			−0.3	
Принятие себя				0.8		
Непринятие себя				−0.7		
Принятие других					0.9	
Непринятие других					−0.8	
Внутренний локус контроля		0.9				
Внешний локус контроля	0.4	−0.7				
Эмоциональный комфорт	−0.6			0.3	0.3	
Эмоциональный дискомфорт	0.7					−0.3
Доминирование	−0.6			0.3	0.3	
Зависимость	0.7					
Социальная желательность						
Мотивация достижений	−0.3	0.7				
Пассивное принятие (способ эмоциональной регуляции)						
Удовлетворение соматических потребностей (способ эмоциональной регуляции)		−0.3				
Активная адаптация (способ эмоциональной регуляции)						0.7
Взаимодействие с другими (способ эмоциональной регуляции)			0.3	0.4		0.5
Решение проблем (механизм совладания)		0.4				0.8
Социальная поддержка (механизм совладания)			0.3			0.7
Избегание (механизм совладания)	0.7	−0.3				0.5
Взаимоотношения	−0.3		0.7	0.3		
Социум			0.7		−0.4	
Культура				0.4		
Индивидуальные характеристики	−0.4	0.5		0.5	0.4	
Коэффициент жизнеспособности	−0.4		0.9			

тация и социальная дезадаптация”. Показано, что жизнеспособность адаптивных подростков и их социальная адаптация, в основе которых лежат такие личностные и поведенческие характеристики, как эмоциональная регуляция, доминирование в отношениях, мотивация достижений и средовые влияния взаимоотношений, положительно связаны между собой и отрицательно – с социальной дезадаптацией. Фактор 2 “Локус контроля” выявляет взаимосвязи между внутренним и внешним локусом контроля, социальной адаптацией и другими личностными характеристиками подростков. Фактор 3 “Жизнеспособность” показывает, что жизнеспособность у адаптивных подростков имеет отчетливо социальную природу и связана со средовыми факторами социума и взаимоотношений, а также с социальными способами совладания и эмоциональной регуляции. Фактор 4 “Самооценка”, Фактор 5 “Отношение к другим людям”, Фактор 6 “Совладающее поведение” выявляют особенности взаимосвязей между этими переменными, социальной адаптацией/дезадап-

тацией и другими личностными характеристиками подростков.

Пригодность имеющихся данных для факторного анализа подтверждается достаточным результатом теста Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) (0.577) и значимым уровнем теста сферичности Бартлетта ($p < 0.001$), что говорит о применимости факторного анализа к базе данных.

Оценка показателей относительной дисперсии простых факторов (*communalities*) (табл. 3) свидетельствует о том, что доля дисперсии в исходных переменных, объясняемая факторным решением, превышает 0.6 практически для всех переменных, большинство переменных имеет долю дисперсии 0.7 и выше. Следовательно, ни одна из исходных переменных не подлежит исключению, и факторный анализ по методу главных компонент может быть проведен на полученных данных.

Решение с шестью компонентами (факторами) объясняет 63.345% общей дисперсии. Все переменные имеют нагрузки (0.3 и выше) на компо-

Таблица 5. Статистические показатели для определения минимального количества факторов

Фактор	Исходные собственные значения			Собственные значения после вращения		
	Собственное значение	% объясняемой дисперсии	Сумма % объясняемой дисперсии	Собственное значение	% объясняемой дисперсии	Сумма % объясняемой дисперсии
1	6.611	24.484	24.484	4.258	15.771	15.771
2	3.025	11.203	35.687	3.882	14.376	30.148
3	2.565	9.500	45.187	2.987	11.065	41.212
4	2.071	7.670	52.857	2.058	7.622	48.834
5	1.995	7.389	60.246	2.032	7.525	56.359
6	1.823	6.751	66.997	2.011	7.450	63.809

Таблица 6. Относительная дисперсия простых факторов (*communalities*) по показателям всех тестов, использованных в исследовании

Показатели	Исходные	Извлечение
Коэффициент адаптации	1.000	.913
Коэффициент дезадаптации	1.000	.833
Принятие себя	1.000	.783
Непринятие себя	1.000	.769
Принятие других	1.000	.804
Непринятие других	1.000	.859
Внутренний локус контроля	1.000	.856
Внешний локус контроля	1.000	.788
Эмоциональный комфорт	1.000	.856
Эмоциональный дискомфорт	1.000	.810
Доминирование	1.000	.827
Зависимость	1.000	.861
Уход	1.000	.656
Социальная желательность	1.000	.615
Мотивация достижений	1.000	.518
Пассивное принятие (способ эмоциональной регуляции)	1.000	.816
Удовлетворение соматических потребностей (способ эмоциональной регуляции)	1.000	.770
Активная адаптация (способ эмоциональной регуляции)	1.000	.758
Взаимодействие с другими (способ эмоциональной регуляции)	1.000	.652
Решение проблем (механизм совладания)	1.000	.686
Социальная поддержка (механизм совладания)	1.000	.746
Избегание (механизм совладания)	1.000	.661
Взаимоотношения	1.000	.708
Социум	1.000	.798
Культура	1.000	.691
Индивидуальные характеристики	1.000	.718
Коэффициент жизнеспособности	1.000	.916

ненту, что подтверждает хорошее качество решения факторного анализа (табл. 4).

Характеристика группы “дезадаптивные подростки” по результатам факторного анализа. На основании критерия Кайзера (табл. 5) характеристики группы “дезадаптивные подростки” рассматриваются в пространстве шести фак-

торов. Фактор 1 “Жизнеспособность, социальная адаптация и социальная дезадаптация” совпадает с одноименным фактором в группе адаптивных подростков. Фактор 2 “Социальная дезадаптация” выявляет, что социальная дезадаптация подростков этой группы взаимосвязана в первую очередь с негативным отношением к другим, низким

Таблица 7. Нагрузки показателей по шести факторам после варимакс-вращения (приведены показатели, факторная нагрузка которых превышает значение 0.3) в группе “Деадаптивные подростки”

Показатель	1	2	3	4	5	6
Коэффициент адаптации	0.9					
Коэффициент дезадаптации	-0.3	0.7		0.4		
Принятие себя	0.8	-0.3				
Непринятие себя	-0.7	0.4		0.3		
Принятие других	0.5	-0.5				0.4
Непринятие других		0.8	-0.4			
Внутренний локус контроля	0.6	0.4		-0.5		
Внешний локус контроля				0.8		
Эмоциональный комфорт	0.5	-0.5		0.5		
Эмоциональный дискомфорт	-0.3	0.8				
Доминирование	0.3					-0.8
Зависимость		0.4				0.8
Социальная желательность	0.4				0.4	
Мотивация достижений	0.4	-0.3		-0.3	-0.3	0.3
Пассивное принятие (способ эмоциональной регуляции)						
Активная адаптация (способ эмоциональной регуляции)					0.3	
Взаимодействие с другими (способ эмоциональной регуляции)	0.3				0.6	
Решение проблем (механизм совладания)				-0.4		
Социальная поддержка (механизм совладания)					0.8	
Избегание (механизм совладания)	-0.5	0.8				-0.5
Взаимоотношения			0.6	-0.4	0.3	
Социум	-0.3	-0.3	0.8			
Культура			0.8		-0.3	
Индивидуальные характеристики	0.5		-0.6			
Коэффициент жизнеспособности	0.4	-0.4	0.9			

уровнем эмоциональной регуляции и избеганием как механизмом совладания, при этом она отрицательно связана с жизнеспособностью. Фактор 3 “Жизнеспособность”: показано, что негативное отношение к другим людям является основной личностной характеристикой, отрицательно сказывающейся на жизнеспособности дезадаптивных подростков. Фактор 4 “Внешний локус контроля”, Фактор 5 “Совладающее поведение”, Фактор 6 “Зависимость” описывают особенности взаимосвязей между переменными социальной дезадаптации и личностными характеристиками подростков, определившими название факторов.

Пригодность имеющихся данных для факторного анализа подтверждается достаточным результатом теста Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) (0.382) и значимым уровнем теста сферичности Бартлетта ($p < 0.001$), что говорит о применимости факторного анализа к базе данных.

Оценка показателей относительной дисперсии простых факторов (*communalities*) (табл. 6) свидетельствует о том, что доля дисперсии в исходных переменных, объясняемая факторным решением, превышает 0.6 практически для всех переменных, большинство переменных имеет долю дисперсии 0.7 и выше. Следовательно, ни одна из исходных переменных не подлежит исключению, и факторный анализ по методу главных компонент может быть проведен на полученных данных.

Решение с шестью компонентами (факторами) объясняет 63.81% общей дисперсии. Все переменные имеют нагрузки (0.3 и выше) на компоненту, что также подтверждает хорошее качество решения факторного анализа (табл. 7).

Как ранее было сказано, одной из целей исследования являлось изучение взаимосвязей между внутренними (личностными, поведенческими) характеристиками подростков и их жизнеспособностью и социальной адаптацией. Мы предпо-

жили, что к личностным свойствам, связанным с жизнеспособностью и социальной адаптацией подростков, относятся: эмоциональная регуляция и мотивация, уровень субъективного контроля, особенности самооценки, механизмы совладания и защитные механизмы, коммуникативные особенности (доминирование/зависимость в отношениях, принятие/непринятие других). Результаты факторного анализа подтвердили наше предположение, что согласуется с результатами других исследований [5, 6, 10, 13, 17, 19, 20, 22–25 и др.].

Рассмотрим, каким образом данные характеристики связаны с жизнеспособностью и социальной адаптацией адаптивных и дезадаптивных подростков.

Локус контроля. Внутренний локус контроля является адаптивным свойством личности. Положительное влияние интернального локуса контроля на социальную адаптацию отмечается в работах ряда авторов [5, 6, 10, 13, 19, 20, 28 и др.]. Д. Майерс, говоря о внешнем и внутреннем локусе контроля, определяет их как “беспомощность против самоэффективности”, связывая последнюю с внутренним локусом контроля, то есть возможностью контролировать происходящее в своей жизни [16, с. 133].

Наше исследование показало, что внутренний локус контроля в группе адаптивных подростков взаимосвязан с социальной адаптацией, а внешний – с социальной дезадаптацией. Внешний локус контроля в этой группе также связан со снижением уровня жизнеспособности. Внутренний локус контроля адаптивных подростков не связан с жизнеспособностью, что можно объяснить тем фактом, что жизнеспособность этой группы в большей мере связана со средовыми ресурсами и социальными способами совладания и эмоциональной регуляции, что подтверждает данные, полученные нами ранее [15, с. 189].

Более сложные взаимосвязи мы прослеживаем в группе дезадаптивных подростков. В этой группе внутренний локус контроля связан с социальной адаптацией и жизнеспособностью, но только в том случае, если эти подростки отличаются *позитивным отношением к себе и другим*, в этом случае они чувствуют себя эмоционально комфортно, что создает условия для возможности взять на себя ответственность за происходящее (внутренний локус контроля), у них возникает стремление к достижениям (мотивация достижений) и доминированию.

Но этому не способствуют средовые условия социума, которые связаны с формированием у

этих подростков таких качеств, как негативное отношение к себе и другим. Внутренний локус контроля, при котором подросток берет на себя ответственность за происходящее, при этом приводит к появлению эмоционального дискомфорта. В то же время подросток не может получить действенную помощь от других в силу отрицательного к ним отношения. Как следствие возникает необходимость применения защитного механизма “избегание”, зависимость в поведении. В этом случае внутренний локус контроля у дезадаптивных подростков положительно связан с социальной дезадаптацией и отрицательно – с их жизнеспособностью. При этом для того, чтобы снизить уровень эмоционального дискомфорта, внутренний локус контроля у подростков заменяется внешним (“виноваты другие!”), это редуцирует эмоциональный дискомфорт, при по-прежнему отрицательном к себе отношении, что также связано с социальной дезадаптацией.

Таким образом, по нашим данным экстернальность девиантных подростков носит защитный характер. Следовательно, для того чтобы сформировать у этих подростков внутренний локус контроля, необходимо в первую очередь формировать у них позитивное отношение к себе и другим. Только в этом случае они смогут безболезненно принимать на себя ответственность за происходящее.

Самооценка. Самооценка в значительной степени определяет социальную адаптацию человека, являясь регулятором поведения и деятельности [19, 20, 25 и др.]. Принятие себя, самоуважение является важным ресурсом жизнеспособности и, как следствие, социальной адаптации [8, 9, 31, 33, 44, и др.]. Исследователи жизнеспособных детей и подростков отмечают их уверенность в себе. Трудности и непредвиденные ситуации их не смущают [29]. Это подтвердили результаты нашего исследования. В обеих группах позитивная самооценка связана с социальной адаптацией, а в группе дезадаптивных подростков она связана также с их жизнеспособностью. Мы не наблюдаем такой связи у адаптивных подростков, так как жизнеспособность в этой группе, как уже говорилось ранее, в большей мере связана со средовыми ресурсами и социальными способами совладания и эмоциональной регуляции.

В формировании самооценки ведущая роль, по мнению большинства исследователей, принадлежит системе межличностных отношений. Так, мы видим, что *позитивная самооценка в группе адаптивных подростков связана с системой их взаимоотношений, а в группе дезадаптивных такая*

связь не прослеживается. Этим фактом можно объяснить низкие значения показателя “принятия себя” в группе дезадаптивных подростков по сравнению с адаптивными.

В обеих группах позитивная самооценка положительно связана с социальным способом эмоциональной регуляции (показатель “взаимодействие с другими людьми”), который обеспечивает налаживание эмоционального взаимодействия с другими людьми: разработку способов ориентировки в их переживаниях, формирование правил, норм взаимодействия с ними. Чувство защищенности и стабильности при этом достигается за счет эмоциональной уверенности в силе других, их знаниях, существовании эмоциональных правил поведения. По мнению Лебединского (1990), активность этого уровня проявляется в том, что подросток обращается за помощью к другим людям [цит. по: 26, с. 319]. Получая эту помощь, подростки не только редуцируют эмоциональное напряжение, что позволяет им чувствовать себя эмоционально комфортно, но и повышают собственную самооценку. Но в группе дезадаптивных подростков это возможно только *при положительном отношении к другим людям.* Их позитивная самооценка вообще связана с положительным отношением к другим, а негативная – с отрицательным, тогда как у адаптивных подростков такой связи нет. Очевидно, это объясняется тем, что у адаптивных подростков взаимоотношения с близкими людьми являются достаточными для формирования положительного отношения к себе и не зависят от других социальных влияний. А вот в группе дезадаптивных, не получающих поддержки близких людей, положительное или отрицательное отношение к себе связано с социальными влияниями.

Самооценка, являясь системообразующим ядром индивидуальности, воздействует на формирование стиля поведения. Так, в обеих группах мы видим связь позитивной самооценки с доминантностью во взаимоотношениях, а у дезадаптивных – с уровнем их мотивации достижений. Низкая самооценка, в свою очередь, связана в группе дезадаптивных с зависимостью в отношениях, копинговой стратегией “избегание” и низким уровнем эмоциональной регуляции. Как следствие, такой стиль поведения приводит к социальной дезадаптации подростков и снижению уровня их жизнеспособности. Было показано, что уровень социальной адаптации дезадаптивных подростков зависит только от их личностных качеств, среди которых важную роль играет положительная самооценка, также связанная с уров-

нем их жизнеспособности [14]. В связи с этим формирование позитивной самооценки является очень важной частью психологической и педагогической работы с дезадаптивными подростками.

Отношение к другим людям. Подростковый возраст – это сложный и противоречивый период, опасный с точки зрения возможности развития асоциального поведения. Отсутствие толерантности, агрессивность и неуважение к личности подростка со стороны родителей и общества создают предпосылки для возникновения негативного отношения к другим людям. Так, в обеих группах мы видим, что принятие других людей связано с социальной адаптацией, и наоборот, отрицательное отношение к другим связано с социальной дезадаптацией. К сожалению, в обеих группах мы наблюдаем одну и ту же картину – влияние социума напрямую связано с отрицательным отношением к другим и с социальной дезадаптацией. А в группе дезадаптивных подростков *негативное отношение к другим людям является основной личностной характеристикой, отрицательно сказывающейся на их жизнеспособности* (фактор 3, табл. 7). Полученные нами данные подтверждают результаты других исследований о влиянии позитивных отношений с другими людьми в качестве ресурса жизнеспособности [34, 37, 39]. Наблюдая за жизнеспособными детьми и подростками, специалисты обнаружили у них ряд общих качеств, среди которых – социальная компетентность. Они часто получают характеристики приветливых, умеющих расположить к себе других. Обычно они устанавливают несколько устойчивых, придающих им чувство безопасности и защищенности контактов с другими людьми [36, 38].

Любые попытки, предпринятые в специальной школе для детей с девиантным поведением, в случае их негативного отношения к педагогам и воспитателям, будут редуцированы, так как негативное отношение к помогающим им людям не позволяет таким подросткам получить эту помощь в полном объеме. Как следствие, формируется сниженный уровень жизнеспособности, о чем свидетельствуют значения ряда показателей (например, показатель оценки жизнеспособности в этой группе ниже, чем в группе “адаптивные подростки”) [14]. В группе дезадаптивных подростков положительная самооценка связана с принятием других людей, а отрицательная – с их непринятием (по показателям “принятие себя” и “принятие других”). А.А. Реан рассмотрел в качестве основного пускового механизма отклоняющегося пове-

дения наличие конфликта самооценки и оценки социума (“интеракционный конфликт самооценки”) [20]. Одним из способов справиться с такой ситуацией является обесценивание “других”. При этом обесценивание других людей как защитный механизм у дезадаптивных подростков не работает (положительная связь с низкой самооценкой и эмоциональным дискомфортом). В результате мы можем говорить о развитии индивида, по Э. Берну, “я-плохой – вы-плохие” [4], не осознающего собственной ценности и одновременно пренебрегающего ценностью других, совершающего поступки, опасные для него самого и окружающих: ему безразличны их последствия, т. е. в этом случае мы имеем дело с девиантным поведением.

В группе адаптивных подростков отмечается совсем иная картина. Социальные условия в этой группе также отрицательно сказываются на отношении к другим людям, что способствует возникновению социальной дезадаптации, но здесь нет взаимосвязи с самооценкой и жизнеспособностью, как в группе дезадаптивных подростков (по показателям “принятие себя” и “коэффициент жизнеспособности”). Полученные результаты подтверждают данные У. Бронфенбреннера о негативном влиянии большого города на социальное и эмоциональное развитие ребенка [30]. Различные исследования показывают, что агрессивная социализация детей обуславливает высокую вероятность агрессивных актов, “структурные характеристики общества предоставляют фон для возникновения проблем поведения, когда создают условия в обществе, мешающие усвоению социальных норм и развитию продуктивных социальных взаимоотношений” [18, с. 199].

Негативное отношение к другим людям, которое снижает жизнеспособность дезадаптивных подростков и мешает им социализироваться, первично возникает у них как следствие нарушенных эмоциональных связей в семье. Изучение личных дел и заключений комиссий по делам несовершеннолетних показывает, что они с раннего возраста подвергались жестокому обращению. Исследования доказывают, что в результате не развивается надежная привязанность, что оказывает разрушительное воздействие на всю их дальнейшую жизнь. На основании первых важнейших связей у ребенка формируется внутренняя рабочая модель отношений – образ того, что он ожидает от окружающих и как он к ним относится [18, с. 64]. Ряд исследований указывает на потенциально опасное сочетание двух факторов: 1) плохое выполнение материнских функций и 2) биологическая уязвимость младенца. Это сочетание приводит к нена-

дежной амбивалентной привязанности ребенка, который будет испытывать сильные страдания, вспышки гнева, а впоследствии и трудности при социальной адаптации [Cassidy, Berlin, 1994; цит. по: 12]. Что касается биологической уязвимости – 100% учащихся школы для детей с девиантными формами поведения (составляющие абсолютное большинство испытуемых, входящих в эту группу) имеют неврологические нарушения или психиатрический статус. Сочетание биологической уязвимости с жестоким обращением дает крайне негативный результат развития этих подростков. Но трудное неблагополучное детство фатально не определяет возникновения искажений развития, они появляются “лишь в том случае, если растущий человек будет вновь и вновь попадать в ситуации, аналогичные пережитым в детстве и навязывающие ему неадекватные..., нерациональные формы поведения” [2, с. 15]. С этой точки зрения нельзя забывать, что эти подростки живут в очень неблагоприятных условиях. И их негативное отношение к другим людям является следствием пребывания во враждебном социальном мире, а агрессивный стиль реагирования оказывается адаптивной реакцией на этот мир [18, с. 179]. Сам факт их обучения в специальной школе для детей с девиантными формами поведения уже демонстрирует отрицательное к ним отношение: они официально утверждены в девиантном статусе. С другой стороны, “сложившиеся в детстве нереалистичные, однобокие интерпретации могут исказить истолкование и осмысливание даже самых благоприятных для развития ... ситуаций взаимоотношений людей” [2, с. 15]. Это, в свою очередь, может спровоцировать других людей на ответную враждебность, что только усиливает негативные и агрессивные реакции.

Защитное и совладающее поведение и способности эмоциональной регуляции. Наше исследование показало, что с состоянием психоэмоционального напряжения адаптивные подростки справляются как с помощью продуктивных способов совладания (по показателям “решение проблем”, “социальная поддержка”), так и с помощью непродуктивной стратегии “избегание”. Это согласуется с выводами М.А. Холодной о том, что эффективное совладающее поведение предполагает способность использовать все стили совладания [27]. Полученные результаты подтверждают данные о том, что в подростковом возрасте отсутствует стабильный стиль совладающего поведения, большая часть копинг-стратегий имеет эмоциональную основу [23]. Это подтверждается значимыми связями между копинг-стратегиями

и способами эмоциональной регуляции, которые мы наблюдаем в данной группе.

В группе дезадаптивных подростков социальный способ эмоциональной регуляции “взаимодействие с другими” и копинговая стратегия “социальная поддержка” связаны с условиями взаимоотношений и являются социально желательным. Эти переменные также положительно связаны с активной адаптацией к нестабильной ситуации, относящейся к третьему уровню базальной системы эмоциональной регуляции. На этом уровне неизвестность, нестабильность мобилизует субъекта на преодоление трудностей [3]. При отсутствии у подростка эмоционально насыщенных событий “жажда острых ощущений” может способствовать опасным или асоциальным формам поведения [26, с. 318], которые и наблюдаются у представителей этой группы. Причем для дезадаптивных подростков такое поведение хотя и считается социально желательным и поддерживается системой их взаимоотношений, но культурно не одобряется, в отличие от группы “адаптивные подростки”, где социальные способы совладания и эмоциональной регуляции являются как социально, так и культурно одобряемыми и поддерживаются системой взаимоотношений. При этом мы видим, что такой способ эмоциональной регуляции, как “взаимодействие с другими”, способствует в этой группе достижению эмоционального комфорта (см. фактор 1, табл. 7). Но этот способ эмоциональной регуляции “работает” при условии, что подросток позитивно относится к тем, чью помощь он принимает: только в этом случае мы наблюдаем у них позитивное отношение к себе, наличие мотивации достижений и внутреннего локуса контроля. Все вышеперечисленное способствует социальной адаптации и препятствует возникновению социальной дезадаптации. Личность испытуемых при этом является жизнеспособной. В результате мы вновь приходим к выводу о том, что помочь этим подросткам могут только те люди, к которым они сами относятся позитивно, в противном случае помощь не будет действенной.

Важным является тот факт, что все способы совладания, используемые дезадаптивными подростками (по показателям “решение проблем”, “социальная поддержка”, “избегание”) не связаны, в отличие от группы “адаптивные подростки”, с состоянием эмоционального комфорта. То есть они не достигают своей основной цели – редукции психоэмоционального напряжения. Более того, использование копинг-стратегии “избегание” вызывает у них состояние эмоционального дискомфорта.

В этой группе работают механизмы защиты (защитная экстернальность и обесценивание других), с помощью которых такие подростки пытаются сохранить состояние эмоционального комфорта, при этом обесценивание других не дает желаемого эффекта, а внешняя экстернальность позволяет им снижать психоэмоциональное напряжение. Таким образом, защитное обесценивание других делает этих подростков нежизнеспособными, а вместе с защитным экстернальным локусом контроля они являются в этой группе серьезными препятствиями для социальной адаптации. Следовательно, мы можем говорить о низком функциональном уровне копинг-поведения в группе дезадаптивных подростков и псевдокомпенсаторном, защитном характере их поведенческой активности [Сирота, Ялтонский, 1994, 1995, цит. по: 23, с. 73].

Таким образом, мы видим, что на общее поведение подростков оказывают влияние не только выраженность оцениваемых свойств личности, но и изменение структуры взаимосвязей между ними. Дезадаптивные подростки отличаются неоптимальным способом индивидуальной интеграции собственных психических ресурсов. Недостаточность психических ресурсов и неоптимальный способ их индивидуальной интеграции приводит к низкому уровню жизнеспособности дезадаптивных подростков.

ВЫВОДЫ

1. Существует взаимосвязь между личностными и поведенческими характеристиками подростков и их жизнеспособностью. Такие характеристики, как эмоциональная регуляция и мотивация, уровень субъективного контроля, особенности самооценки, механизмы совладания и защитные механизмы, коммуникативные особенности, коррелируют с жизнеспособностью и принимают участие во всех механизмах адаптации.

2. Личностные и поведенческие характеристики адаптивных подростков относятся к защитным факторам (факторам жизнеспособности). Личностные и поведенческие характеристики дезадаптивных подростков относятся к факторам риска, понижающим их жизнеспособность. Низкий уровень жизнеспособности дезадаптивных подростков определяется, в частности, недостаточностью психологических ресурсов, низким уровнем функционирования копинговых механизмов и защитным характером их поведенческой активности. Негативное отношение к другим людям является основной личностной характеристикой, отрица-

тельно сказывающейся на жизнеспособности дезадаптивных подростков.

3. На общее поведение подростков оказывают влияние не только выраженность оцениваемых свойств личности, но и изменение структуры взаимосвязей между ними. Например: способы эмоциональной регуляции не различаются в рассматриваемых группах подростков по степени выраженности, однако группа адаптивных подростков характеризуется наличием значимых связей между копинг-стратегиями, способами эмоциональной регуляции и уровнем эмоционального комфорта. В группе дезадаптивных подростков способы эмоциональной регуляции и совладания не связаны с состоянием эмоционального комфорта. Это свидетельствует о том, что они не позволяют редуцировать психоэмоциональное напряжение, что негативно сказывается на уровне их жизнеспособности и социальной адаптации.

4. Дезадаптивные подростки отличаются неоптимальным способом индивидуальной интеграции собственных психических ресурсов. Недостаточность психических ресурсов и неоптимальный способ их индивидуальной интеграции приводит к низкому уровню жизнеспособности дезадаптивных подростков.

5. Подростковый возраст является сенситивным по отношению к средовым воздействиям, так как именно в этот период происходит активное развитие психических познавательных процессов и формирование личности. В этом возрасте идет процесс формирования внутренних ресурсов личности, влияющих на развитие жизнеспособности. Поэтому необходимо формирование у дезадаптивных подростков таких качеств, как положительное отношение к себе и к другим, внутренний локус контроля. При этом помочь этим подросткам могут только те люди, к которым они сами относятся позитивно, в противном случае помощь не будет действенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968.
2. *Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–19.
3. *Бардышевская М.К., Лебединский В.В.* Диагностика эмоциональных состояний у детей. М.: Психология, 2003.
4. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. М.: Прогресс, 1988.
5. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006.
6. *Быков С.В.* Диагностика локуса контроля личности в асоциальных подростковых группах // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 3. С. 34–43.
7. *Валиева Ф.И.* Теоретико-методологические подходы к проблеме индивидуальной устойчивости в аспекте профессионального выгорания // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 231–235.
8. *Ваништендаль С.* “Резильентность”, или оправданные надежды. Раненый, но не побежденный. Женева: Vice, 1998.
9. *Венар Ч., Кериг П.* Психопатология развития детского и подросткового возраста. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
10. *Ветрова И.И.* Связь совладающего поведения с контролем поведения и психологической защитой в системе саморегуляции / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008. С. 179–196.
11. *Джидарьян И.А.* Гуманистический смысл идей Б.Г. Ананьева о системном человекознании // Методология комплексного человекознания и современная психология / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008. С. 29–43.
12. *Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2001.
13. *Крюкова Т.Л.* Человек “совладающий”: качества субъекта и его совладающее поведение // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008. С. 257–273.
14. *Лактионова А.И.* Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: Дисс. ... канд. психол. н. М., 2010.
15. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков // Ребенок в современном обществе / Под ред. Л.Ф. Обухова, Е.Г. Юдиной. М., 2007. С. 184–191.
16. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2000.
17. *Медведев В.И.* Адаптация человека. СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003.
18. *Мэш Э., Вольф Д.* Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
19. *Реан А.А.* Практическая психодиагностика личности. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001.
20. *Реан А.А.* Психология изучения личности: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А. 1999.

21. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум, 2003.
22. Сергиенко Е.А. Становление контроля поведения как проявление индивидуальности и его роль в процессе адаптации // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во "Институт психологии РАН". 2007. С. 251–275.
23. Сергиенко Е.А. Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008. С. 67–83.
24. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение подростков с наркотической зависимостью, находящихся в воспитательно-трудовых колониях. СПб., 1998.
25. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989.
26. Фоминова А.Н. К вопросу о причинах эмоционального дискомфорта ребенка в процессе обучения и возможностях эмоциональной саморегуляции // Психология психических состояний. Казань, 2002. Вып. 4. С. 313–324.
27. Холодная М.А. Стили совладания в юношеском возрасте в контексте проблемы интеллектуального контроля совладающего поведения // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008. С. 84–96.
28. Ялтонский В.М., Сирота Н.А. Психология совладающего поведения: развитие, достижения, проблемы, перспективы // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008. С. 21–54.
29. Anthony E.J., Cohler B.J. (Eds.) The invulnerable child. New York: Guilford Press. 1987.
30. Bronfenbrenner U. Nature with Nurture: A reinterpretation of the evidence // Race and IQ / A. Montague (Ed.) N.Y.: Oxford University Press, 1975. P. 114–144.
31. Kobasa S.C. Stressful life events personality and health: an enquiry into hardiness // Journal of personality and social psychology. 1979. Vol. 37. P. 1–11.
32. Linley P.A., Joseph S. Positive change following trauma and adversity: a review // Journal of Traumatic Stress. 2004. Vol. 16. P. 601–610.
33. Luthar S.S. Annotation: methodological and conceptual issues in the study of resilience // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1993. Vol. 34. P. 441–453.
34. Masten A.S., Coatsworth J.D. The development of competence in favorable and unfavorable environments: Lessons from research on successful children // American Psychologist. 1998. Vol. 53. P. 205–220.
35. Meyers J., Nastasi B.K. Primary prevention in school settings // The handbook of School psychology (3rd ed.) / T.B. Gutkin, C.R. Reynolds (Eds.). N.Y.: Wiley and Sons, 1999. P. 764–779.
36. Pines M. PT conversations: Resilient children // Psychology Today. 1984. Vol. 12. № 8. P. 53–63.
37. Rosenbith J.R., Sims-Knight J. In the beginning: Development in the first two years of life. Monterey: Brooks Cole, 1992.
38. Rutter M. PT conversations: Resilient children // Psychology Today. 1984. Vol. 18. № 3. P. 60–65.
39. Rutter M. Psychosocial resilience and protective mechanisms // Risk and protective factors in the development of psychopathology / J. Rolf, A.S. Masten, D. Cicchetti, K.H. Nuechterlein, S. Weintraub. (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 181–214.
40. Scoville M.C. Wartime tasks of psychiatric social workers in Great Britain // American Journal of Psychiatry. 1942. Vol. 99. № 3. P. 358–363.
41. Shaefer J.A., Moos R.A. Life crisis and personal growth. // Personal coping: theory, research and application / B.N. Carpenter (Ed.). 1992. P. 149–170.
42. Théorêt M. La résilience, de l'observation du phénomène vers l'appropriation du concept par l'éducation // Revue des sciences de l'éducation. 2005. Vol. 31. № 3. P. 633–658.
43. Ungar M., Liebenberg L. The International Resilience Project: A mixed-methods approach to the study of resilience across cultures // Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 211–226.
44. Werner E.E. Risk, resilience, and recovery: perspectives from the Kauai longitudinal study // Development and psychopathology. 1993. Vol. 5. P. 503–515.

PERSONAL AND BEHAVIORAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS AS A FACTOR IN THEIR RESILIENCE AND SOCIAL ADAPTATION

A. V. Makhnach^{*}, A. I. Laktionova^{}**

^{} PhD, senior research assistant, Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology
RAS, Moscow;*

*^{**} PhD, research assistant, the same place*

The results of study of adolescents with normative and deviant behavior are presented. The interrelations between personal and behavioral characteristics and the resilience and social adaptation are shown. It is established that such personal characteristics include emotional regulation and motivation, the level of subjective control, especially self-esteem, coping mechanisms, communication features. It is shown that low level of resilience is determined by the failure of maladaptive adolescents' psychological resources, as well as by low level of functional coping behavior and protective nature of their activity.

Key words: adolescents, social adaptation, resilience, personality, behavioral characteristics.